

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РИТУАЛ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ¹

Багдасарян В. Э.,

ФГОУВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса», г. Москва

The interpretation of mass consciousness archetypes with the help of the phenomenon of the national political ritual utilizes the new theory of desacralizational process development in the historical retrospective view. The article shows the paradigm of the genesis and historic sustainability for the tsarist cult in Russia. The analysis of the political ritual evolution identifies the features for the pre-secular perception of power. In addition, the innovative nature of the study is the application of the methodology of historical routine for the understanding of political phenomena.

В статье исследуется проблема преломления архетипов массового сознания через феномен национального политического ритуала. Выдвигается теория развертывания десакарлизационного процесса в исторической ретроспективе. Рассматриваются парадигмальные основы генезиса и исторической устойчивости царистского культа в России. Через призму анализа эволюции политического ритуала выявляются специфические черты досекулярного восприятия власти. Новационный характер исследования заключается также в применении методологии истории повседневности к осмыслению политических феноменов.

Ключевые слова: национальный политический ритуал, апостасия, общественное сознание, харизма власти, царистский культ.

Теория «естественного человека», модификацией которой является доктрина «прав человека», уничтожает социальный, культурный, исторический облик личности, превращая его в абстрактного атомизированного индивида. Принцип арифметического, т.е. количественного равноправия (исономии) в противоположность геометрическому — качественному (соответствующему афоризму Гераклита: «Один для меня — десять тысяч, если он наилучший») обуславливает торжество желаний большинства, профанических знаний (сфера брахманов), низменной этики (сфера кшатриев), паразитической экономики (сфера вайшьев).

Политические модели апостасии не существовали в чистом виде, исторически корректируясь взаимоотношениями правящего сословия с бюрократической средой. Ни одно из названных сословий не способно решать частные управленческие задачи самостоя-

тельно, для чего в каждой из государственных систем существует чиновничий аппарат. Зачастую высшая власть оказывалась заложником управленческих кадров. Учреждение табеля о рангах являлось погребальным звоном дворянской империи в России. Воин-аристократ приравнивался к чиновнику. Управленцы-секретари явились также разрушителями советской идеократии. Прагматическое мировоззрение чиновника демифологизировано. В определенном смысле бюрократ противопоставит сакральному уровню власти. Не случайно в русской лубочной традиции XVIII—XIX вв. дьявола изображали в мундире чиновника. Отсюда же идет народное противопоставление царя (или квази-царя) боярам, министрам, советникам, депутатам и т.п. «Семибоярщина» стала символом лихоимства и национальной измены. Расправа Николая I над декабристами приветствовалась как заступничество за народ. Не оправдавший крестьянских на-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта 08-01-00-157А.

дежд царский манифест от 19 февраля 1861 г. был воспринят в качестве чиновничьего подлога. Оценка народом сталинских политических чисток имела тот же лейтмотив расправы с бюрократической крамолой. Архетип дихотомии «царь — бюрократы» актуализировался в народном сознании в период постбрежневской борьбы с коррупцией, обусловив непроходящую по сей день высокую популярность Ю. В. Андропова. Да и сама Октябрьская революция воспринималась как возмездие чиновникам (т.е. Временному правительству), узурпировавшим царскую власть. Многие современные исследователи забывают, что исторически Октябрь являлся анти-Февралем, а не антимонархизмом. Ряд собранных В. Далем пословиц отражает античиновничью парадигму царистской ментальности русского народа: «Не от царей угнетение, а от любимцев царских»; «Не Царь гнетет народ, а временщик»; «Царские милости в боярское решето сеются»; «Царь глядит, а бояре скребуют»; «Жалует Царь, да не жалует псарь»; «Воля Царю дать ино и псарю»; «Не ведает Царь, что делает псарь»; «Царю из-за тына не видать»; «Ограда выше колокольни»; «Стол (т.е. престол, трон) здоров, да забор плох».

Национальным ритуалом являлась политическая имитация мифологемы о непосредственной связи народа и царя. Грозный государь Иван Васильевич казнил за лихие речи бояр, но выслушивал правду из уст юродивых. Русское патерналистское мировосприятие обусловило выработку эпистолярной формы коммуникации народа и власти. Учрежденный Иваном IV Челобитный приказ являлся уникальным политическим институтом, не имеющим эквивалентных форм в историческом опыте иных государств. Аналогичные государственные структуры по приему народной корреспонденции царю пытались восстановить Павел I и Александр I. Судя по изданным в Берлине извлечениям из секретных отчетов Министерства внутренних дел России при Николае I, наказания помещиков за злоупотребление во взаимоотношениях с крестьянами носили регулярный характер. Поэтому крупным социальным потрясением являлся екатерининский запрет крестьянам жаловаться на помещиков. Десакрализационным разрывом национальной традиции мистической связи народа и царя стало «кровавое воскресенье», лишившее Николая II религиозного ореола. Старец из народных глубин, казалось

бы, восстанавливал коммуникативное единство, но его убийство окончательно разрывало эту связь. «Был один мужик, дошедший до царского престола, да и его чиновники-царедворцы умертвили», — истолковал убийство Распутина народ. «Жалоба» выполняла ряд общественных функций: во-первых, являлась средством снятия психологического напряжения, социальной разрядкой; во-вторых, механизмом сознания органического единства народа и монарха; в-третьих, способом юридической защиты от произвола чиновников и магнатов, кассацией неправедных действий и решений местной администрации. Созданное в первые годы Советской власти Бюро жалоб и заявлений при наркомате Госконтроля восстанавливало традицию Челобитного приказа. Ходоки, идущие к В.И. Ленину, являлись новой актуализацией мифологемы единства народа и царя.

В перестроечные годы, во время вызвавших широкий общественный резонанс телемостов СССР — США, американскую аудиторию эпатировал довод о существовании в Советском Союзе демократической процедуры принятия решений, конструктивной полемики и критики, приведенный на основании факта активной корреспонденции населения во властные структуры. Действительно, не укладываемым в стереотипы представлений западной аудитории феномен народной корреспонденции являлся российской традиционной формой демократического представительства. В отличие от жителей московской Руси современные россияне не имеют возможности прямого обращения к главе государства.

Русское самодержавие не являлось, как считают многие авторы, цезерепапизмом, ибо в нем светский компонент отнюдь не превалировал над духовным. Царь, прежде всего, выступал в качестве религиозной фигуры, а уже затем светским повелителем.

Слова Христа «Не вы меня избрали, а я вас избрал», — стали политической аксиомой построения православного государства. В письме константинопольского патриарха Василию I утверждалось: «невозможно христианам иметь Церковь, а царя не иметь» (впрочем, современные российские христиане без него каким-то образом обходятся). Византийский иерарх напоминал Московскому князю о царских обязанностях созыва соборов, поддержки церковных правил и борьбы с ересями. Религиозная принадлежность указывалась

в титулах августейших особ: французский король титуловался «христианнейшим», испанский — «католическим величеством», английский — «защитником веры», австро-венгерский — «апостолическим», а московский царь — «православным». Вероисповедальный принцип монархов определяла статья 42 Основных законов Российской империи: «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель Правверия и всякого в Церкви Святой благочестия». Таким образом, не православный император был бы попросту нелегитимен. По народным представлениям: «Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится»; «Нельзя земле без Царя стоять»; «Без Царя — земля вдова»; «Государь батько — земля — matka». Исходя из представления о невозможности православным обходиться без царя, после расстрела в 1918 г. императорской семьи, крестьяне Костромской губернии выдвигают нового царя из собственной среды.

Согласно толкованию византийского права, император совмещал в себе все прерогативы епископов, на основании чего его церковные распоряжения имели каноническую силу. Уже Константин Великий разъяснял священнослужителям свой статус: «Вы, епископы, — заведующие внутренними делами общества верующих, я — поставленный Богом епископ вне его». Император Лев Иконоборец подчеркивал папе Григорию II, что выступает одновременно и священником, и светским владыкой. В праздничные и воскресные дни василевс восседал на левой стороне трона, оставляя место справа Христу, присутствие которого символизировал положенный на сидение крест. Ритуал миропомазания при коронации монархов также указывает на их священнический сан. Российский император входил в алтарь особыми царскими вратами и причащался перед св. престолом наряду с прочими священнослужителями. А.С. Пушкин поведал забавный анекдот, как вошедший в алтарь Е.И. Пугачев сел на церковный престол, полагая, что он и есть престол царский. Медиумный статус царской власти отражали народные пословицы: «Бог батько, Государь дядько»; «Царь от Бога пристав»; «Правда Божья, и суд царев»; «Одному Богу Государь ответ держит»; «За царское согрешенье Бог всю землю казнит, за угодность — милует»; «Коли Царь Бога знает, Бог и Царя, и народ знает»;

«Народ согрешит — Царь умолит». Прав был по существу Наполеон, сказавший Александру I: «Вы сами у себя поп». Почитанию царского чина отводилось одно из ведущих мест в православной богослужебной практике. По рассказу Н. Черняева, одна итальянка, посетившая в 60-е гг. XIX в. обедню в русской церкви, вынесла характерное резюме: «Я ничего не поняла. Мне казалось, что все время молилась о Царе». А.И. Герцен приводил другой эпизод, свидетельствующий о царистском ракурсе православного культа. Когда Николай I задал московскому митрополиту Филарету вопрос о резервах для сокращения длительности литургии, иерарх отвечал, что такой шаг возможен, «если сократить число молений о Вашем Величестве и о Царствующем доме».

В народном же сознании царь вопреки всей христианской монистической теологии выступал даже не помазанником божьим, а непосредственно земным божеством. «Светит одно солнце на небе, а царь русский на земле», — гласила пословица. Почитание царя Богом имело столь широкое распространение, что Александр I в одном из своих указов налагал запрет на подобное обращение к себе в приветственных речах духовенства. В свое время европейских колонизаторов поразило то обстоятельство, что и «великий инка», и китайский богдыхан считали всех прочих правителей мира своими вассалами. Но о том же заявляла «Голубиная книга», провозглашавшая Белого Царя над царями царем, — удивительно, как критики Петра I прошли мимо строк его «Духовного Регламента», в которых царь прямо именовался «Христом Господним». Христом именовались русские государи в словах молитвы в день священного коронования. Широкое распространение в России имели иконы, изображавшие Христа с лицом здравствующего императора. Портреты действующих императоров имели обыкновение помещать наряду с иконами святых в красном углу крестьянских изб. После безуспешной попытки Александра I пресечь традицию теократического восприятия фигуры царя рекрутский набор при Николае I вновь проводился под девизом службы во исполнение святой воли «земного бога».

Смысл царской власти в православии раскрывался через учение о теофании. Еще в IV в. христианами гностического направления образ монарха отождествлялся с первоангелом эоном, вечным первосвященником уровня

Моисея. Ряд иудейско-христианских толкователей идентифицировали его с небесным ангельским прототипом вечного священника Мелхиседека. На эллинской почве, удобренной многочисленными легендами о божественном нисхождении в мир, ангел трансформируется в божество. Согласно интерпретации Т. Гэстера «Царь — это Бог в настоящем моменте, но не в его протяженности».

В фигуре царя аккумулируются две встречных мифологемы — обожествление человеческой и очеловечение божественной природы. Когда грань между двумя началами царской власти стиралась, происходили политические катаклизмы. В.Г. Короленко рассказывал, как один из сектантов противопоставлял русского Великого Государя и Царя Польского, князя Финляндского, полагая, что первый стоит в православной вере, а второй пребывает в беззаконии. Еще в Древнем Египте ритуалом разделения божественной и человеческой субстанции власти фараона являлось его поклонение самому себе (т.е. фараон-человек поклонялся фараону-богу). Царский и императорский титул российского государя указывал на различные его ипостаси, соответственно жреческий и воинский уровни. В народном сознании царь и император дифференцировались между собой. «У нас, мужиков, — Царь, а у солдат — Император», — говорили русские крестьяне. В народном гимне пелась слава Православному Царю, но не императору. У русского народа существовало множество народных пословиц о царях при полном отсутствии пословиц об императорах. Недовольство монархической общественности вызывало отсутствие в полном титуловании русских государей звания Царь Всероссийский (в титуле присутствовали лишь Царь Казанский, Астраханский, Польский, Херсонеса Таврического и Грузинский), тогда как правитель Московской Руси величался Царем Великия, Малыя и Белья России. Для раскрытия политических воззрений русских императоров показательным отрицательным отношением к царскому титулу Александра II и благосклонное Александра III.

Даже в советской квазирелигиозной семиосфере проводилась подобное же противопоставление Ленина-вождя и Ульянова-человека. Этот идеомиф удался поэтический выразитель В.В. Маяковскому:

«Коротка
и до последних мгновений

нам
известна
жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь
товарища Ленина
надо писать
и переписывать заново».

У А. Вознесенского Ленин — сверхчеловек, он способен даже выходить за рамки живой плоти Ульянова:

«Когда он хаживал с ружьишком,
Он не был Лениным тогда,
А Ленин с профилем мужицким
Брал легендарно города!»

Естественно, что восприятие царя богом предполагало абсолютное доверие к словам царя, следствием чего являлась стабильность российской экономики и политики. Напротив, недоверие народа к обещаниям представителей высшей власти современной России приводит страну к перманентному состоянию кризиса.

Кроме сакрализации посредством обращения к мифологическому прошлому, освящение образа царя имело смысл в футурологической перспективе. Царь являлся антитезой князя мира сего. Обращает внимание, что дьявол носил княжеский, но не царский титул. Царем будет провозглашен узурпатор божественного престола — антихрист.

Православная империя являлась последним препятствием наступления антихристовых времен. В католической традиции восприятие власти было лишено эсхатологического содержания. Истоки различия заключались в том, что идеомиф об установлении предапокалиптического тысячелетнего христианского царства католики переносили в будущее, а православные — в прошлое. Последние понимали под ним тысячелетнюю эпоху существования Византийской империи от разрушения Рима вандалами в 455 г. до взятия Константинополя турками в 1453 г. Если для католиков приход антихриста представлял отдаленную перспективу, которой еще должен предшествовать христианский мировой порядок, то для православных он «близ есть при дверях».

Несмотря на то, что под самодержавной властью понималась независимость царя от чьего бы то ни было волеизъявления (русские

цари презирали западных монархов за разделение ими властных полномочий с представительными органами), его правление ограничивалось религиозной традицией. Эпанагога предписывала царю целый спектр поведенческих стереотипов. Табуизировались любые политические предприятия, противоречащие правилам Церкви. Светские законы, расхивившиеся с церковными канонами, объявлялись недействительными. Как царь синтезировал божественную и человеческую природу, византийское право соединяло в единой системе законы и канон. Для иллюстрации тезиса о нравственной ограниченности власти византийского императора Л.А. Тихомиров ссылался на историю правления императора Маврикия. Василевс не предоставил вовремя подкреплений одной из наиболее своевольных частей своей армии, попавшей вследствие того в плен, а затем долго торговался о выкупе пленных, пока тех неприятели не перерезали. Казалось бы, в политической истории известны и более греховные поступки, но страх кары Божией предопределил аномальное с точки зрения современных государственных деятелей поведение. «И вот, — повествует Л.А. Тихомиров, — начинается эпизод, которому нет примеров в истории. Маврикий пишет ко всем патриархам, епископам, святым пустынножителям и всех просит, чтобы они молились Богу о том, чтоб Он покарал его, императора, в здешней жизни, а не в будущей. Наступает зрелище невиданное и неслыханное. Вся церковь торжественно молится о наказании благочестивейшего императора достаточно сильно для искупления его греха. И вот, наконец, отдаленные восточные пустынножители извещают императора, что молитва Церкви услышана. Один отшельник имел видение об этом. «Господь, — извещали монахи, — принимает твою покаянную епитимью. Он допускает тебя и твою семью к вечному блаженству, но в этом мире ты потеряешь царство со скорбью и позором». Император, получив уведомление, воздал благодарение Богу и стал ждать наказания. Ждать не пришлось долго. В войсках вспыхнуло нелепое возмущение Фоки, ничтожнейшего по чину и негодяя по жизни. Император был схвачен со всей семьей... Да, он — один из лучших полководцев армии — даже и не защищался... Кроважандый Фока приказал немедленно обезглавить всю царскую семью. По избытку жестокости все дети, семь человек,

были казнены на глазах у отца. Маврикий видел, как слетали одна за другой головы сыновей его и только повторял за каждым ударом топора: «Праведен Ты, Господи, и справедлив суды Твои»... Последней слетела голова самого Маврикия»...

Другой византийский император Михаил Палеолог, национальный герой, освободитель Константинополя не мог быть даже похоронен сыном, поскольку патриарх Арсений отлучил его от Церкви, за ослепление предшественника на престоле — василевса Ласкариса. Нелегитимное отстранение иерарха привело к расколу «арсенистов», не признававших патриаршее достоинство священнослужителей, поставленных на место низложенного патриарха. Ограничение власти императора религиозными нормами, а не политической волей иных субъектов, В.С. Соловьев определял как «диктатуру совести». В России также канонизировались царские обличители: официально — Филипп Колычев и неофициально — Арсений Мациевич.

Согласно монгольской правовой традиции, оказавшей наряду с византийской существенное влияние на формирование русского политического сознания, «все мог сделать хан, только не мог отменить Ясы Чингисхана». При возведении в сан хана сажали на войлок и говорили, что в случае хорошего управления он будет счастлив, а при дурном — у него не будет и войлока.

Даже Иван IV совершенно не в деспотическом смысле понимал собственную власть. В ответе А. Курбскому он пояснял, что Русская земля управляется: во-первых, Божественным Промыслом, во-вторых, представительством Богородицы, в-третьих, покровительством национальных святых, в-четвертых, традицией предков, и только, в-пятых, великими государями. Царь не мог изменить традицию, почитаемую выше политической власти. Именно она освящала его самодержавный статус. Поэтому царь не вмешивался в компетенцию традиционных институтов, каковой, к примеру, являлась крестьянская община.

Важное функциональное предназначение в политической мифологии отводилось фигуре царицы. Колониальный характер Римской империи восходил к архетипу волчицы — мачехи, вскормившей мифических основателей «вечного города». Иными знаковыми чертами наделялась христианская царица, являвшаяся

ся земной проекцией эйдоса Царицы Небесной — Богородицы. С ней символически совмещались образы языческой Родины — матери (сакрализованной Земли) и христианской Церкви (невесты Христовой). Преломлением в народном сознании первой символической традиции являлось провозглашение царя отцом, а земли — матерью. Второй из подходов сформулировал еще во II в. св. Киприан Карфагенский: «Кому Церковь не мать, тому Бог не отец». Надо сказать, что жены русских царей не всегда соответствовали высокой планке народных представлений о царице, роня тень на самую самодержавную власть. Образ Марины Мнишек, колдуньи и воровки, демонизировался в большей степени, чем фигуры самих самозванцев. Десакрализационную тенденцию восприятия царской власти отражала мифологема о несправедном браке. Распространялись слухи о католическом венчании Марины и Лжедмитрия I. Екатерина Скавронская, по православным представлениям, не могла стать супругой Петра I, т.к. доводилась крестной дочерью сыну последнего Алексею, а духовное родство почиталось даже выше природного. Факт пребывания императриц на русской престоле противоречил идею о царе как иконе Христовой, образу и подобию Божьему. В концепции христианского домостроительства это оценивалось как женская узурпация прерогатив Отца. К тому же женщина, согласно православной традиции, не могла быть возведена в священнический сан, каковым являлось царское звание. Аргумент о невозможности женщины осуществлять царские религиозные обряды Нарышкины использовали в борьбе по низложению Софьи. Многие старообрядцы отказывались принимать присягу Екатерине II, заявляя, что пусть ей женщины и присягают. Лютеранское воспитание большинства русских императриц затрудняло их адекватное следование национальному политическому ритуалу. Попытка Александры Федоровны добиться соответствия архетипу православной царицы привело ее к псевдохристианскому культу, состоящему из эклектики магических суеверий. «Не забудь перед заседанием кабинета министров подержать в руке образок и несколько раз расчесать волосы Его (т.е. Распутина) гребнем», — советовала Александра Федоровна супругу. Народ усмотрел в поведении императрицы лжеподо-

бие образу православной царицы и вынес свой приговор: «Немецкая шпионка».

В имидже Н.К. Крупской как организатора пионерского движения, т.е. покровительницы детей, угадывались некоторые черты материнской символики архетипа царицы. Женским дуальным соответствием «Отцу народов» И.В. Сталину служил образ Родины-матери. Место Христовой невесты — Церкви занимала новая женская модификация — Партия.

Одной из главных причин падения политического рейтинга М.С. Горбачева явилось выпадение из национального ритуала его супруги. Раиса Максимовна апеллировала к чужеродному архетипу «первой леди» (земной проекции женского образа «Свободы»), но не русской царицы.

Весьма упрощенным является представление о наследственном принципе передачи власти в монархических системах. Пока еще не достаточно оценено влияние мистериальной практики выборов вождя «потлач» на формирование политической традиции архаических сообществ. Власть переходила к лицу, демонстрировавшему наиболее аномальные и иррациональные формы поведения (уничтожение имущества, половые неистовства, физическую бесноватость). Вождем не мог быть признан человек — прагматик, мыслящий установленными стереотипами, а лишь божественно одержимый, т.е. обладающий пассивной харизматикой.

Большинство знаковых персон античности и средневековья, таких как Александр Македонский, Юлий Цезарь, Августин, Мухаммед, Жанна д'Арк, Христофор Колумб слышали потусторонние голоса, визуально воспринимали сверхъестественные образы или вступали в иные медиумные контакты. Иудейские судьи назначались Господом, но не выбирались. Зороастрийцы утверждали, что царь получает особую, свыше данную санкцию правления, воплощенную в конденсированной световой энергии — Хварено. В традиции исихазма, оказавшей существенное влияние на выработку политического сознания Московской Руси, энергия, возводящая в священнический, а соответственно, и царский сан, именовалась «фаворским светом». Высшая власть определялась не общественным соглашением, а божественным установлением, осуществляемым мистическим способом. Смысл политического ритуала заключался в имитации

передачи божественной харизмы. Для легитимизации передачи харизматического посвящения в Римской империи был изобретен механизм усыновления. Из всех преемников Августа только Коммод был рожден от отца-императора. Константин Великий пытался установить иной принцип наследования, дававший право на престол только «порфирородным», т.е. рожденным в особой порфирной комнате дворца, но его мало придерживались. Перманентные дворцовые перевороты в Константинополе являлись оборотной стороной идеи о харизматическом наследовании («сверхчеловек» пролил кровь кровного преемника). В монархической Византии из ста девяти царствовавших императоров было убито семьдесят четыре.

На монгольском курултае 1206 г. Темуджин также не избирался, а был провозглашен. Чингисхан, обосновывая свои полномочия, ссылался на небесную харизму: «Вечно Синее Небо повелело мне править народами... Моими устами говорит Вечно Синее Небо. В девятиножное белое знамя вселяется гений-хранитель рода Чингиса, это знамя будет оберегать войска, водить их к победам... Чингис царствует «Силою Вечного Неба».

И Петр Великий, и Екатерина Великая стали правителями России в силу харизмы, а не происхождения. Петр вззошел на трон отнюдь не на основе первородства, принадлежавшего его сводному брату Ивану. Ветхозаветная легенда о переходе первородства от субпассионария Исава к пассионарию Иакову служило обоснованием корректировки наследования престола по принципу харизмы. Тем более никаких кровнородственных оснований не имелось для восшествия на престол Екатерины II, однако она обладала Божественной харизмой, отсутствовавшей у ее супруга Петра III. Вообще эпоха дворцовых переворотов в России в политическом смысле восходила к харизматической традиции наследования. К концу XVIII в. она уже давно профанизировалась, а потому была упразднена «указом о престолонаследии» Павла I. Следствием десакрализованного юридическими нормами нового принципа наследования явилось восшествие на престол совершенно лишённого царской харизмы Николая II, приведшего империю к гибели (при том, что была еще и перспектива стать императором физическому инвалиду Алексею Николаевичу).

Царская харизма не пресекается. Она наследуется по принципу единой инкарнационной цепи. Трансформацию представления о том, что правящий монарх является очередной реинкарнацией прародителя народа, выражали европейские политические формулы: «Король никогда не умирает» или «Король умер, да здравствует Король!». К той же традиции политического восприятия восходит православная идиома: «Царь — это Христос сегодня». Модификацией ее в коммунистической идеологии являлось определение очередного генерального секретаря как «Ленина сегодня». Ритуальное посещение мумии вождя мирового пролетариата воссоздавало мистериальные формы культа легендарного предка—прародителя. Удивительной по откровенности своего религиозного содержания (в духе буддизма) оду Ленину в поэме «Лонжюмо» представил А. Вознесенский:

«Я думаю, что гениальность
Переселяется в других.
Уходят времена и числа.
Меняет гений свой покров.
Он — дух народа.
В этом смысле
Был Лениным Андрей Рублев.
Как по архангелам келейным
порхал огонь неукрошен.
И, может, на секунду Лениным
Был Лермонтов и Пугачев.
Но вот в стране узкоколейной,
шугнув испуганную шваль,
в Ульянова вселился Ленин,
Так, что пиджак трещал по швам!
Он диктовал его декреты,
Ульянов был его техредом...
И часто от бессонных планов,
упав лицом на кулаки,
Устало говорил Ульянов:
«Мне трудно, Ленин, помоги!»

На мифологическом уровне коллективно-бессознательного именная фонетика вождя Владимир Ильич Ленин вызывала ассоциации и с Владимиром (владеющим миром) Красное Солнышко, и с карающим пророком Ильей. При Сталине Ленин возводился в ранг богатоца, по отношению к которому генеральный секретарь выступал наследником. Советская троица Маркс—Ленин—Сталин символизировала инкарнационное преемство харизмы великого учителя. Постсталинская троица

Маркс—Энгельс—Ленин уже была демифологизирована и не выражала идею единой связи времен через образ пророка. Разоблачение культа Сталина на XX съезде прерывало традицию харизматического преемства. Десталинизация подразумевала демифологизацию, а потому и десакрализацию советской власти. Ленин из легендарного прародителя нации был превращен поколением шестидесятых всего лишь в «самого человеческого человека», «доброту дедушку». Попытки религиозного возрождения культа Ленина без реанимации культа Сталина были обречены. Последующее отрицание коммунистической номенклатурой харизмы Хрущева и Брежнева и привело в конечном итоге к параличу государственной власти. Отсутствие сакральной преемственности с 1924 г. ставило под сомнение сакральную природу самого советского государства, основанному на революционном Откровении 1917 г.

Перспективу стать мифологической фигурой отца — основателя национального государства имел Ельцин. В период зенита его политического рейтинга распространялись даже слухи, что он сын чудом спасшегося и проживавшего в Свердловской области Николая II (отсюда отчество Николаевич). Трудно поверить, что сценарий «покушения» на Ельцина, сброшенного с моста в реку в мешке, не испытал влияния мотивов многочисленных древних мифов подобного содержания. Однако эволюционируя от архетипа народного борца с чиновничьей неправдой и «лжехаризматиком» Горбачевым к образу боярского царя, Ельцин постепенно утратил сакральный ореол и даже подвергся инфернализации. Сценарий передачи им харизматических полномочий преемнику-президенту как бы вновь актуализировал мифологему инкарнационно-го посвящения во власть.

Несоответствие национальному ритуалу вело не к отрицанию монархической власти, а к конструированию мифологемы лжецаря. Таким отступлением, например, являлось петровское брдобритие, разрушающее идиому Царя как земного образа Христа. Надо сказать, что Петр, вопреки современному художественному стереотипу, долгое время не решался остригать бороду. Другим диссонансом с национальной политической традицией стал перенос резиденции царя в Петербург, лишавший тем самым новую столицу статуса

«третьего Рима». Вероятно, поэтому определение Петра I в качестве антихриста имело в России повсеместный характер. Однако поскольку антихристом не мог быть православный царь, родилась легенда о его подмене неким немцем то ли при рождении, то ли во время заграничного путешествия. Ряд радикальных старообрядческих общин идентифицировали с чередой инкарнации антихриста всех последующих императоров из династии Романовых. Увлечение последних западными политическими теориями (а фамилия Романовы (т.е. «римские») служило для народа указанием на их латинское еретичество) лишь усиливало тенденцию десакрализации царской власти. Известно, что Павел I, Александр I, Александр II и Николай II имели масонское посвящение, противоположное посвящению православному. Хотя русские масоны, за исключением лож Великого Востока Франции, являлись преимущественно монархистами, но они обосновывали монархическую власть посредством пантеистической, а не креационистской философии. Татуировка, изображающего зеленого дракона, на плече Николая II и спиритические сеансы вызова им духа Александра III не соответствуют конструируемому ныне образу православного царя, мученика за веру. В постромановские времена антихристами провозглашались разрушители традиции — Керенский и Горбачев.

Поскольку царская харизма не прерывается, дуальной антитезой лжемессии согласно православному сознанию должен являться истинный, скрытый до урочного часа Царь. Не было ни одной персоны на русском царском престоле, именем которой ни прикрывались бы самозванцы, выдававшие себя либо за самого государя, либо за его отпрысков. Самозванческую лихорадку Смутного времени удалось остановить лишь посредством канонизации Димитрия (хотя при жизни отрок задатков святого не обнаруживал). Малоизвестно, к примеру, что среди закавказских христиан был распространен миф о чудесном спасении Царя — освободителя Александра II при покушении 1 марта 1881 г. Грузинские и армянские крестьяне открывали трапезу с тоста за здоровье императорского величества Александра Николаевича, будто бы он оставался среди живых. А. Безансон в «Убиенном царевиче» выводил русскую мифологию самозванства из архетипа средиземноморского

земледельческого культа страдающего и воскресающего бога.

Инфернализация есть противоположный полюс сакрализации. Разоблаченные самозванцы и царские противостоятели наделялись в народном сознании демоническими чертами, как маг, получивший власть посредством колдовских чар. Колдуном, обреченным в силу церковного проклятия на бессмертие и вечные муки, преподносился Стенька Разин. Инфернальная харизма также наследовалась, а потому в народе полагали, что Емельян Пугачев и есть Стенька Разин. Демонизация сталинского противостояния Троцкого в советской политической мифологии происходила через совмещение его образа с архетипом Иуды (Иудушка Троцкий).

Ритуалом, возводящим царя к жреческому уровню, являлось приближение к престолу фигуры пророка. Образ предсказателя-мага выполнял иную мифологическую функцию, чем жрец (патриарх в русском варианте). Трудно отыскать российского монарха, не обращавшегося к услугам ясновидцев или астрологов. Пророческие функции при Иване IV выполняли Василий Блаженный и Бомелий, при Алексее Михайловиче — Симеон Полоцкий, при Федоре Алексеевиче — Артемон Матвеев, при Софье — Сильвестр Медведев, при Петре I — Брюс, при Александре I — Авель, Никита Федоров и баронесса Крюдингер, при Николае I — Иван Корейша и гадалка Марфуша, при Александре III — Серафим Саровский, при Николае II — Филипп Вашод, Папюс, Распутин и др. Дихотомия «царь — мудрец» в советской политической мифологии обнаруживается в дуальной связи фигур Ленина и Горького. Важную роль в сакрализации образа Сталина как национального монарха, наследника православных царей, сыграли пророчества во время Войны митрополита Ливанских гор Илии.

Длительное сохранение традиции сакрализации власти в России было обусловлено царистскими воззрениями народа. Ошибочно считать, что Александр I отказался от реформаторских идей, столкнувшись с дворянской оппозицией. К разработке конституционных проектов он обращался и после записки Н.М. Карамзина от 1811 г. На самом деле переломом для его мировоззрения послужило путешествие по России 1817 г., во время которого

крестьяне бросались под карету царя, полагая за честь быть раздавленными земным богом.

Западные исследователи царских пенитенциарных учреждений и казарм не могли понять смысл татуировки заключенными и солдатами на ягодицах портретов императора и императрицы. А дело в том, что при господстве палочной дисциплины солдаты и заключенные, татуированные таким образом, освобождались от экзекуций, ибо невозможно было бить по царскому портрету (иконе Христовой, пусть даже на столь неподобающем месте). По тем же соображениям безопасности в сталинские годы пользовалась популярностью татуировка на груди портрета «вождя народов».

Поднять народ на антицарские выступления возможно было лишь посредством откровенной лжи о поддержке царем этого движения. На такую ложь, как известно, пошли декабристы, побуждая солдат к восстанию сообщением о заточении императора Константина в крепости, и поясняя, что Конституция есть жена Константина. Одной из народнических групп был составлен подложный текст царского манифеста об освобождении крестьян, дарующий им землю безвозмездно. Л.Д. Троцкий свидетельствовал, что большевики не смогли бы удержать власть, подними белые на щит лозунг «Кулацкого царя». Но белые, т.е. монархисты, на практике не соответствовали белой световой семантике. Впрочем, сакрализация образа русского царя проводилась не только в православной традиции народов, населявших Империю.

Для Востока Белый царь сам выступал олицетворением сакральности, мистического полюса. Понятие Цаган-хан (т.е. Белый царь) входило в титуляцию богдыханов. В восприятии народов Центральной Азии власть русского царя была легитимирована в образе наследника харизмы Чингисхана. Потомок ханов киргизской орды Ч. Валиханов разъяснял поэту А.Н. Майкову свое понимание философии истории следующим образом: «Всемогущий Бог даровал мировое владычество моему предку Чингисхану; за грехи оно отнято у его потомства и передано Белому Царю. Вот вам моя философия истории». Даже для мусульманских подданных русский царь являлся сакрализуемой на собственный манер фигурой — Ак-падишахом (паччахом у ингушей). Инкарнацией Белой Тары, одной из величайших бодхисатв, почитали русского

царя ламаисты. Если традиционалисты Запада провозглашали свет с Востока, то на самом Востоке верили в световую энергию с Севера (каковым для нее выступала Россия). Оттуда должен придти новый мессия, пятый будда — Майтрейя.

Безансон пытался выявить истоки царистских воззрений русского народа на основе психоанализа, в частности, сублимационной дешифровки Эдипова комплекса. На Западе разрешением психоаналитического противостояния сына с отцом стало формирование сверхчеловека — протестанта, преобразователя общества и экономики. В России комплекс вины перед отцом вылился в культ мазохистского страдания. Осознание греха отцеубийства, т.е. умертвление царя, трансформировалась в мазохистскую парадигму ГУЛАГа и преклонения перед новой модификацией отца.

Таким образом, культ Сталина являлся не аномалией исторического развития, как его зачастую интерпретируют, а отражени-

ем цивилизационной парадигмы. Пребывая у руля управления государством, Сталин, по-видимому, осознал царистскую ментальность русского народа и стал пытаться соответствовать ему на уровне национального ритуала. Трансформация Кобы, т.е. отцеубийцы, в «отца нации» весьма показательна. Из материалов переписи 1937 г. следовало, что более половины граждан СССР оставалось верующими, а, следовательно, должны были смотреть на власть через призму религии. Царистский, квазиправославный культ Сталина отражал религиозный характер политического сознания народа. Эпитеты «великий учитель», «генералиссимус», «отец народов» выражали все основные аспекты традиционной политической мифологии. XX съезд явился приговором не только для Сталина, но и всей Советской империи.

Конструирование современной российской власти также не может обойтись без учета законов политической мифологии.

Литература

1. Античная демократия в свидетельствах современников. М., 1996.
2. *Аристотель*. Афинская политика. М. —Л., 1936.
3. *Афанасьев А.Н.* Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии, мифологии. М., 1996.
4. *Баддасарян В.Э.* «Заговор антихриста» в эсхатологических представлениях русского старообрядчества // Россия: идеи и люди. Сб. научных трудов. М., 1999. Вып. 4.
5. *Баддасарян В.Э.* Образ Антихриста в русской историософской мысли // Армагеддон: актуальные проблемы истории, философии, культурологии. М., 1999. Кн. 1.
6. *Безансон А.* Убиенный царевич. М., 1999.
7. *Бестужев-Рюмин Н.К.* Русская история. СПб., 1872.
8. *Богданов А.П.* Россия при царевне Софье и Петре I. М., 1990.
9. *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994.
10. *Генон Р.* Царь мира. М., 1993.
11. Гностики. Киев, 1996.
12. *Грибовский В.М.* Народ и власть в Византийском государстве. СПб., 1897.
13. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. СПб., 1879. Т. 1, 2.
14. *Дугин А.Г.* Метафизика Благой Вести (православный эзотеризм). М., 1996.
15. *Дугин А.Г.* Мистерии Евразии. М., 1996.
16. Законодательство Петра I. М., 1997.
17. История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.
18. История политических и правовых учений. М., 1996. С. 41.
19. *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство. М., 1996.
20. *Майков Л.Н.* Пушкин Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899.
21. *Макарий.* История русской церкви. СПб., 1886.
22. Материалы для Истории крепостного права в России (извлечения из секретных отчетов Министерства внутренних дел). Берлин, 1872.
23. *Никифор Григора.* Римская История. СПб., 1862.
24. *Норман Д.* Символизм в мифологии. М., 1997.
25. Окултные силы России. СПб., 1999.
26. *Острецов В.М.* Массонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М., 1998.
27. *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
28. *Печников М.В.* Новгородско-Псковское движение стригольников XIV-XVвв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

29. Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998.
30. *Полосин В.С.* Миф. Религия. Государство. М., 1999.
31. *Пропи В.Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963.
32. *Пушкин А.С.* ПСС. В 10-ти т. М., Л., 1949.
33. Религии Древнего Востока. М., 1995.
34. *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
35. Сказания князя Курбского. Изд. Н. Устрялова. 1833.
36. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. Минск, 1998.
37. *Сухотин Н.Н.* Война в истории русского мира. СПб. 1898.
38. *Тарле Е.В.* Сочинения. Т.8. М., 1959.
39. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 1998.
40. *Хара-Дован Э.С.* Чингис-хан как полководец и его наследие // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996.
41. *Хартулари К.Ф.* Право суда и помилования, как прерогативы Российской державности. СПб., 1899.
42. *Хюбнер К.* Истина мифа. М., 1996.
43. Царевубийства. Гибель земных богов. М., 1998.
44. *Черняев Н.И.* Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия. М., 1998.
45. *Шильбер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. В 4 т. СПб., 1904–1905.
46. *Элиаде М.* Азиатская алхимия. М., 1998.
47. *Эрлих С.Е.* Россия колдунов // Знание — сила. 1995. № 10.
48. *Юнг К.Г.* Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996.

УДК 177.61

КУЛЬТУРА. ЭКОНОМИКА. ВЛАСТЬ (КОНФЛИКТ ИЛИ КОНВЕРГЕНЦИЯ?)

Диденко В.Д.,

ФГОУВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса», г. Москва

The correlation study of social concepts such as culture, economy, and power is motivated by the fact that for a long time in the Russian social science the dominant idea has been the priority of material aspect in social life over the spiritual life; that is, socio-economic factors prior to spiritual and psychological factors. Reassessment of priorities in social development requires understanding of the principle that the material wealth of society is just an inner form of culture, and its genuine content is the human development, including the enhancement of fundamental strength and creative opportunities.

Проблема соотношения таких социальных явлений, как культура, экономика и власть актуализируется тем обстоятельством, что долгое время в нашей обществоведческой науке доминантным остается представление о приоритете материальной жизни общества над духовной, социально-экономических факторов бытия над духовно-психологическими.

Отмечено, что идет интенсивная переоценка приоритетов в социальном развитии, что требует глубокого осознания того, что материальное богатство общества есть лишь внешняя форма культуры, а подлинным её содержанием является развитие самого человека, его сущностных сил и креативных возможностей.

Ключевые слова: культура духовная и материальная, цивилизация, идеология, общество, конвергенция.